

Портрет на фоне старого города

Культура. — 1999 —
24 марта. — с. 8

О фильме Рустама Ибрагимбекова и Рамиза Мирзоева “Семья”

Кадр из фильма

Рустам Ибрагимбеков и Рамиз Мирзоев сняли простую и горькую картину. Простота и ясность этого мужественного фильма сегодня особенно ценны, когда суть произведения нередко подменяется изощренными экзерсисами, снятыми только для того, чтобы поярче себя выказать. Известный драматург, мастер тонкой прозы, Ибрагимбеков, как недавно выяснилось, вполне уверенно чувствует себя и в кинорежиссуре. Две его картины похожи и непохожи между собой. Первая — “Человек, который старался” — светла и печальна. Как часто мы только скользим взглядом по людям близким и далеким, причем спокойно довольствуясь поверхно-

стным, случайным знанием о них. И только уход человека из жизни может заставить вдруг увидеть смысл его пребывания среди нас.

“Семью” Ибрагимбеков и Мирзоев сняли в другом ключе — того потребовали материал картины, время и место ее действия: осень 90-го года, Баку накануне ввода частей Советской Армии. В фильме довольно часто возникают кадры, запечатлевшие знаменитую Девичью башню, старинные узкие улочки, невысокие дома. Портрет старого города изредка прорежен документальными кадрами — строящийся в ряды, поднимающий щиты спецназ, проезд танков по улице. Но пока еще тихо — ни вы-

стрелов, ни взрывов, ни плача над убитыми. Все будто замерло в ожидании. И обыкновенная бакинская семья существует уже в двух измерениях. С одной стороны, знакомые будни, скученность людей на маленькой квартирной территории. С другой — явно надвигающаяся катастрофа уже коснулась этих стен, отчего возникает взвинченность интонаций, настороженность.

Семья Исмаила, как говаривали в советские времена, многонациональная. Кроме “коренного населения”, то бишь азербайджанцев, в одной из комнат обитает муж умершей сестры Исмаила, армянин Гарик. Рядом живет вдова брата Исмаила, еврейка Софа с сыном Игорем. Тут

и два сына старика — художник Тимур и спортсмен Рифат. Нашлось место для приемной дочери Гарика, Эльмиры, и ее собственной дочери Лены. Вписались в семейный круг русские соседи — шумная Наталья и ее сын Саша.

Все это было естественно для Баку, где люди от века жили в подобном этническом разнообразии. Главным была Семья, крепкая, патриархальная, с главенством старших.

В фильме ни разу практически не возникает прямого разговора о политической ситуации, резко изменившейся к тому времени. Все передано опосредованно — в нарастающем общем разладе. Разве что мелькнет где-то на газетной полосе имя Горбачева, но фигура тогдашнего генсека как будто не занимает ни Исмаила, ни его родню. У них свои проблемы. Гарик все время настаивает на размене квартиры — это уже знак близкого разлома. Мечется самая младшая в доме, Лена, почему-то решившая уехать в Москву...

Все чаще на экране возникают спецназовцы, войска, площади, полные народа, напоминающая о разгорающемся пожаре. Острее всего чувствует это Исмаил, которого известный азербайджанский актер Гасан Турабов играет предельно аскетично. Никаких взрывов, бурных выплесков. Молчание, уход в себя, раскаленный воздух Баку. В конце концов сердце старика не выдерживает. Исмаил умирает после того, как погромщики ворвались в дом. Дом остается без главы и сразу рушится.

Сцена прихода погромщиков

в мирное жилище Исмаила снята внешне прозаически, что впечатляет больше любых криков и стонов. Деловитые, непробиваемо уверенные в себе новые азербайджанцы и их обслуга — киллеры, шантажисты, аферисты. Они движутся ровной, мощной волной, убежденные в своем монопольном праве решать чужие судьбы.

Мир оказывается расколот на две половины. Темную его массу режиссеры не стремятся индивидуализировать, в чем они по своему правы. Здесь все схожи — тупые, холодные недочеловеки. От них прямой путь к тем, кто кричит о неполноценности той или иной расы, нации, оправдывая свои преступления. Вторая половина — собственно жертвы — люди, для которых нравственные нормы не что само собой разумеющееся, но именно потому они оказываются жертвами. Для создателей фильма конец века страшен еще и исчезновением теплых, человеческих зависимостей, на которых прежде держались Дом и Семья. Вспоминаются два фрагмента картины, перекликающиеся между собой. Вначале показаны фотографии из семейного альбома. Господа, барышни, благородные, спокойные лица. Устойчивость самосознания. Уверенность в своем временном пространстве. Ближе к финалу возникнут снимки потомков, на которых обрушилась лава. Что дальше? Ведь не только память о прошлом — ничто бесследно не исчезает. В том числе лица людей, проживших свою жизнь достойно.

Эльга ЛЫНДИНА